
ГАЛИНА КОЛОСКОВА
ПОСЛЕ
ИЗМЕНЫ
АРХИТЕКТУРА
счастья

Галина Колоскова

После измены. Архитектура счастья

«Автор»
2026

Колоскова Г.

После измены. Архитектура счастья / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Варя — начинает муж хриплым от волнения голосом. — Варя, подожди, это не то, что тыСамая расхожая, штампованная фраза изменников. Не думала, что когда-то мне придётся её услышать.Он вскакивает, звук замка ширинки. Застёгивает рубашку, и идёт ко мне. Я делаю шаг назад.— Не то?.. — едва говорю сдавленным голосом. — А что это, Миша? Детская игра в наездницу и ковбоя? Репетиция досуга твоей новой семьи?Он замирает, не зная, что ответить. Марина стоит в стороне, опершись о его стол, и откровенно наслаждается представлением.— Варя, прошу тебя, давай поговорим без эмоций, — бормочет он.— Мы поговорим, — отвечаю с трудом. — Обязательно. Но не сейчас.

© Колоскова Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Галина Колоскова
После измены. Архитектура счастья

Глава 1

Лифт в нашем доме на Крестовском пахнет деревом и духами. Дорогими, слишком сладкими. Замечаю только сейчас, хотя пользуюсь им каждый день. В руках тяжёлый бархатный футляр с дипломом. Премия «Золотое сечение». Главная архитектурная награда года. Моя. Варвара Волошина — лучший архитектор года нашего города. Сжимаю футляр сильнее, представляю лицо Михаила, когда войду в квартиру. Он будет улыбаться немного рассеянной улыбкой, обнимет меня и скажет: «Я же знал, моя умница». Откроем шампанское, сядем на наш белый кожаный диван и будем мечтать вслух, глядя на огни города через панорамные окна. Я люблю эти минуты. Когда можно говорить о чём угодно. Когда мы доверяем самое сокровенное друг другу.

Ключ поворачивается в замке легко, без усилий. Странно. Обычно Миша закрывает дверь на несколько оборотов. Я толкаю створку и захожу в прихожую. Свет горит. В прихожей разбросаны туфли. Не мои. Лодочки на шпильке, лаковые, вызывающе красные. Рядом — его ботинки. Те, что я подарила ему на годовщину.

Ставлю футляр с дипломом на тумбу. Аккуратно, словно он хрустальный. Снимаю плащ дрожащими пальцами. Вешаю на плечики. Мозг уже понял, что происходит, но душа отказывается принимать ужасную правду. Всеми силами оттягиваю момент «Х». В гостиной тихо, но я слышу дыхание. Прерывистое, чужое. Или своё, смешанное с шумом крови бьющей в виски? Уже не понимаю. Иду на звук.

Картина, которую вижу, врезается в память не сразу. Сначала детали. Торшер, отбрасывает тёплый свет на письменный стол Михаила. Красное дерево, я помогала ему выбирать эту громоздкую, старомодную красоту. На столе бумаги, разбросанные как попало, чашка с остывшим кофе, закуски, бокалы с вином. А на его широком кресле — они.

Михаил сидит, откинувшись на спинку, растрёпанный, с расстёгнутым воротом рубашки. А на нём — Марина. Его секретарша. Двадцать три года, длинные ноги, губы бантиком. Она сидит на нём верхом, красное платье задрано до пояса, и она двигается. Ритмично, не замечая ничего вокруг. Лицо Михаила запрокинуто, глаза закрыты, на губах застыла блаженная полуулыбка.

Я смотрю на них, и мир сужается до размеров этой комнаты. Перестаёт существовать моя премия, мои чертежи, моя жизнь. Есть только они. И мой позор немого свидетеля.

Секунда. Две. Три…Марина открывает глаза и смотрит прямо на меня. Пухлые губы растягиваются в улыбке. Медленной, торжествующей, наглой. Она не останавливается, а продолжает двигаться на нём, глядя мне в глаза. И в этом взгляде — вызов. Триумф победительницы, дорвавшейся до трофея.

Я стою как вкопанная. В голове пустота. Ни мыслей, ни эмоций, сплошной вакуум. Михаил, почувствовав что-то, открывает глаза, переводит взгляд на дверь и видит меня. Довольное, раскрасневшееся лицо мгновенно меняется. Блаженство перерастает в ужас. Он дёргается, пытается скинуть Марину с себя, но она не спешит, лениво слезает с него, поправляет платье.

— Варя… — начинает муж хриплым от волнения голосом. — Варя, подожди, это не то, что ты…

Самая расхожая, штампованная фраза изменников. Не думала, что когда-то мне придётся её услышать.

Он вскакивает, звук замка ширинки. Застёгивает рубашку, и идёт ко мне. Я делаю шаг назад.

— Не то?.. — едва говорю сдавленным голосом. — А что это, Миша? Детская игра в наездницу и ковбоя? Репетиция досуга твоей новой семьи?

Он замирает, не зная, что ответить. Марина стоит в стороне, опершись о его стол, и откровенно наслаждается представлением.

— Варя, прошу тебя, давай поговорим без эмоций, — бормочет он.

— Мы поговорим, — с трудом отвечаю. — Обязательно. Но не сейчас.

Я разворачиваюсь и иду в спальню. Закрываю дверь. Поворачиваю ключ. Внутри — абсолютная, звенящая тишина. Я сползаю по двери на пол и сижу так, глядя в одну точку. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Я сжимаю руки в кулаки, ногти впиваются в ладони, но боли нет. Есть поглощающая меня пустота. Чудовищная, ледяная, тёмная бездна.

Слышу, как в прихожей хлопает дверь. Потом голоса. Михаил что-то громко выговариваетМарине. Она отвечает — резко, зло. Снова хлопок. Тишина. Он стучит в мою дверь.

— Варя, открой, пожалуйста. Нам нужно поговорить. Ты не так всё поняла.

Я молчу. Смотрю на свои руки. На обручальное кольцо. Простое, платиновое, мы выбирали его вместе. Сколько лет прошло? Двадцать? Или уже двадцать один?

— Варя, чёрт возьми, открой! — он начинает злиться. — Это ничего не значит. Это просто… ужасная случайность. У меня стресс, на работе завал, а Марина… она сама.

Я закрываю глаза. Вспоминаю, как мы познакомились. Я была на пятом курсе, он — начинающий дизайнер, делал смешные, нелепые проекты, в которые никто не верил. Я верила. Я тащила его, пробивала, продвигала, отдавала собственные идеи, чтобы он чувствовал себя успешным. Я построила его бизнес своими руками, пока параллельно строила свой. И вот чем это закончилось.

— Это ты виновата! — вдруг кричит он из-за двери. Голос срывается на фальцет. — Ты всегда занята! Твои проекты, твои премии, твои чертежи! А я? Я что, удобная мебель? Фон для победительницы? Я мужик, Варя! Мне нужно чувствовать себя нужным! А Марина… она смотрит на меня как на бога!

Так похоже на слова подруг, рассказывающих об изменах своих половин. У гулящих мужей всегда виноваты жёны. Слушаю его и чувствую, как пустота внутри начинает заполняться чем-то вязким, тёмным. Не болью. Нет. Отвращением. Невыносимым, липким отвращением к жалкому, оправдывающемуся человеку за дверью.

Он ещё что-то кричит, стучит, но я уже не слышу. Оборачиваюсь, смотрю на дверь спальни и вдруг замечаю рядом с собой футляр с дипломом. Не помню, как принесла его с собой. Мозг отказывается работать. Поднимаю бархатный прямоугольник, открываю его. Красивая бумага, золотое тиснение. «За вклад в развитие архитектурного образа Санкт-Петербурга». Смотрю на вычурные слова и понимаю, что они больше не греют душу. Всё, что я построила — и в профессии, и в жизни — рушится у меня на глазах, и этот диплом не может меня спасти.

Я ложусь на кровать, смотрю в потолок. Стук затихает. Михаил уходит. Слышу, как хлопает входная дверь. Он уехал к ней. Или просто в ночь. Мне всё равно.

Думаю о том, что завтра мне придётся встать. Идти на работу в бюро. Читать чертежи. Отвечать на звонки. Улыбаться. Делать вид, что ничего не случилось. Но как? Если внутри зияет дыра размером в двадцать лет жизни?

За окном тихо шумит город. Питер, мой любимый, мой вдохновляющий город, сейчас кажется чужим и холодным. Я закрываю глаза и вижу улыбку его секретарши. Торжествующую, наглую, молодую. Она отобрала у меня самое главное. И что теперь с этим делать? Куда девать себя, свою боль, свою ненужную больше любовь?

Я не знаю ответа. Знаю только одно: той Вари, которая вошла в эту квартиру час назад с дипломом в руках и мечтами о тихом вечере с мужем, больше нет. Она умерла. А что будет с новой, оставшейся лежать на кровати, пока не представляю.

Глава 2

Ночь длится бесконечно долго. Кажется, стрелки часов застыли намертво. За окном редкие машины разрезают тишину. Их фары скользят по потолку призрачными тенями. Михаил возвращается. Я слышу, как хлопает входная дверь, как он спотыкается в прихожей о мои туфли, как долго возится с замком спальни, словно пытается взломать его.

— Варя… — голос пьяный, тягучий, раздавленный. — Варя, открой, ну пожалуйста. Я не могу так. Не хотел, чтобы ты узнала. Я люблю только тебя. Марина соблазнительное молодое тело, а ты моё сердце, моя душа.

Я молчу. Упаси бог быть душой в теле предателя, а тем более сердцем, нагло водружённым на молодую задницу. Смотрю в одну точку на потолке, где ночник отбрасывает размытое пятно.

— Ты думаешь, я счастлив? — он начинает говорить громче, в голосе появляются истеричные нотки. — Думаешь, мне легко? Я каждый день чувствую себя тенью, приложением к твоему пьедесталу! А Марина… она хотя бы смотрит на меня с восхищением.

Его слова падают в пустоту. Я не чувствую ничего. Ни обиды, ни злости, ни жалости. Только усталость. Такую глубокую, что она заполняет каждую клетку тела.

— Варя, ты слышишь меня?! — он колотит в дверь кулаком, раз, другой, третий. — Ты вообще живая там?

Живая. Наверное. Сердце бьётся, лёгкие дышат. Но та часть меня, что любила его, много лет просыпалась рядом и засыпала, прижимаясь к его плечу, — её больше нет. Она умерла сегодня вечером в гостиной, глядя на его блаженное лицо и её торжествующую улыбку.

Под утро Михаил затихает. Слышу, как он плетётся в гостевую спальню и падает на кровать, даже не раздевшись. А я продолжаю лежать. Смотрю, как за окном сереет небо, как первые лучи солнца пробиваются сквозь плотные шторы, как пылинки танцуют в узкой полоске света.

Поднимаюсь с кровати, когда часы показывают восемь утра. Иду в ванную, долго стою под горячей водой, пытаясь смыть с себя эту ночь, этот запах предательства, эту липкую пустоту. Смотрю на себя в зеркало. Лицо бледное, под глазами тени, губы потрескались. Но взгляд… взгляд стал другим. Жёстче. Холоднее. Я больше неВаря, с восторгом сжимавшаяв руках диплом вчера вечером.

Я накидываю халат, выхожу в коридор и иду на кухню за водой. В голове одна мысль: нужно дожить до девяти, доехать до бюро, включиться в работу. Работа всегда спасала. Чертежи не предают, линии не лгут, перспектива всегда честна.

Проходя мимо своего кабинета, замечаю, что дверь приоткрыта. Странно. Я всегда закрываю её на ночь, чтобы эскизы не пылились. Толкаю дверь и замираю на пороге.

В моём кресле, за моим столом, развалившись с таким видом, будто она здесь хозяйка, сидит Марина. На столе открыт мой ноутбук, рядом чашка кофе, а в руках она держит альбом с моими эскизами. Моими. Личными. Теми, что я никому не показываю.

Я не верю своим глазам. Секунду стою, пытаясь осознать реальность происходящего. Может, это продолжение кошмара? Может, я всё ещё сплю в своей спальне и мне это снится?

— Доброе утро, Варвара Сергеевна, — приветствует она, не поднимая глаз от моих чертежей. — А у вас тут интересно. Я и не знала, что вы работаете в такой технике. Очень свежо.

Голос спокойный, даже ленивый. Словно она зашла поболтать к хорошей подруге.

Я делаю шаг в кабинет. Голос прорезается не сразу, приходится прокашляться, чтобы он зазвучал.

— Что ты здесь делаешь?— борюсь с желанием запустить в неё стулом.

Она наконец поднимает на меня глаза. Смотрит с той же улыбкой, что вчера в гостиной. Улыбкой победительницы, дорвавшейся до чужого трофея. Трясёт в воздухе брелоком Михаила.

— Зашла по приглашению шефа. Жду, когда проснётся, — пожимает плечами. — Он обещал подбросить меня до салона, у меня машина на диагностике. А время есть, вот решила посмотреть, чем вы тут дышите.

— Положи альбом, — говорю я тихо. Очень тихо. Так тихо, что самой становится страшно. — Положи и выйди из моего кабинета.

Она не спешит. Закрывает альбом, но продолжает держать его в руках, поглаживая обложку длинными наманикюренными пальцами.

— Не бойтесь, я ничего не испорчу. Я вообще аккуратная. Миша говорит, я очень бережно отношусь к чужим вещам.

— Марина… — Я делаю ещё шаг. Теперь мы разделены только шириной стола. — Ты слышишь, что я тебе говорю?

— Слышу, — она наконец откладывает альбом на край стола и откидывается на спинку кресла. Моего кресла. — Но, знаете, Варвара Сергеевна, я вот смотрю на вас и не понимаю. Вы такая успешная, талантливая, у вас премии, бюро, имя. А мужа удержать не смогли. Как так?

Это пощёчина. Словесная, но от неё щиплет кожу. Вскидываю бровь. Михаил сам вчера мне объяснил разницу между женой и любовницей. Тело против души и сердца. Метраж молодого тела выигрывает объёмом кожи без морщин в области глаз.

— Ты сейчас серьёзно?

— Вполне, — мерзавка наклоняет голову, разглядывая меня как экспонат. — Я вообще давно хотела с вами поговорить. По-женски. Вы умная женщина и, должны понимать: Мише нужна не просто жена, а муза. А вы… — она окидывает меня взглядом, —вы стали слишком правильной. Слишком занятой. Слишком успешной. Рядом с вами он ощущает себя маленьким мальчиком. А со мной — мужчиной.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри закипает что-то горячее, обжигающее. Не боль. Ярость.

— Ты пришла в мой дом, села в моё кресло, трогаешь мои вещи и пытаешься учить меня жизни?

— А почему нет? — она пожимает плечами. — В конце концов, я теперь часть вашей семьи. — С улыбкой покачивает головой. —Ну, так или иначе.

Приходится пару раз глубоко вздохнуть, чтоб не взорваться.

— Я даже знаю где эта часть…— Усмехаюсь. — Там, где у ведьм растёт хвостик. Ты никто, — мой голос звенит, как натянутая струна. — Ты просто девочка, которой нечем заняться, кроме как тащить в постель чужого мужа. Тебе бы подумать о своей жизни, а не влезать в чужую.

— А мне моя жизнь нравится, — она встаёт, поправляя короткую юбку. — И знаете что, Варвара Сергеевна? Я здесь не за его деньгами, если вы вдруг подумали. Мне просто интересен процесс. Каково это — отобрать у такой успешной женщины самое главное. Вы знаете, это… увлекательно. Как хороший квест.

Я смотрю на неё и поражаюсь. Этой девочке двадцать три, у неё вся жизнь впереди, а она тратит её на то, чтобы доказывать что-то чужой жене, воруя чужого мужа. Вместо того чтобы строить своё, она разрушает чужое. И гордится этим.

— Ты больная, — выдыхаю тихо. — Тебе лечиться надо.

— Обижаете, — она улыбается. — Я абсолютно здорова. Просто точно знаю, чего хочу. А хочу я вашу жизнь. Всю. Целиком. И Мишу, и статус, и всё, что к нему прилагается. Вы своё уже отжили, Варвара Сергеевна. Пора и честь знать.

В этот момент в дверях кабинета появляется Михаил. Небритый, в помятой рубашке, с красными от недосыпа глазами. Он смотрит на нас, и в его взгляде — растерянность загнанного зверя.

— Марина? — голос хриплый, удивлённый. — Ты что здесь делаешь?

— Тебя жду, — она тут же меняет тон, становится мягкой, мурлыкающей кошечкой. — Ты обещал подвезти до автосервиса, забыл?

— Я… — он переводит взгляд на меня. — Варь, я не знал, что она…

— Ты ничего не знаешь, — обрываю я его. — Ты вообще никогда ничего не знаешь, Миша!

Я смотрю на них двоих. На него — жалкого, растерянного, раздавленного собственным ничтожеством. На неё — наглую, циничную, уверенную в своей безнаказанности. И во мне что-то щёлкает. То ли предохранитель слетает, то ли, наоборот, встаёт на место.

— Собирай вещи, — говорю Михаилу. Голос спокойный, ровный, как поверхность воды перед бурей.

— Что?— он с недоумением хлопает глазами.

Повторяю чуть громче:

— Собирай вещи и уходи. Ты меня больше не интересуешь. Ни ты, ни твой «процесс», — я перевожу взгляд на Марину и улыбаюсь. Впервые за эту ночь. Холодно, жёстко, как улыбается хищник перед прыжком. — Забирай его. Он твой. Весь. Целиком. Со всеми его комплексами, кризисами и неспособностью быть мужчиной. Посмотрим, как долго тебе будет интересен этот квест, когда придётся стирать его носки и выслушивать жалобы на то, что жизнь не удалась.

Марина моргает. Впервые её уверенность даёт трещину.

— Вы не можете просто так…

— Я всё могу, — обрываю я её. — Это мой дом. Мой кабинет. Моя жизнь. И я больше не намерена терпеть в ней чужой мусор.

Я разворачиваюсь и выхожу из кабинета, не оглядываясь. Иду в спальню, открываю шкаф, достаю чемодан. Самый большой. Кидаю его на кровать и начинаю собирать вещи Михаила. Рубашки, костюмы, галстуки, которые я выбирала ему на дни рождения. Всё летит в чемодан без разбора. Пусть забирает немедленно. Мне в квартире не нужно ничего из этой жизни. Ничего, что напоминало бы о нём.

Он появляется в дверях спальни, смотрит, как я методично опустошаю шкаф.

— Варь, не делай этого. Давай поговорим. Мы же двадцать лет вместе. Нельзя вот так взять и вычеркнуть.

Я останавливаюсь. Поворачиваюсь к нему. Смотрю прямо в глаза.

— Ты сам всё вычеркнул, Миша. Вчера вечером. В своём кресле. С ней. Так что не надо мне про двадцать совместных лет. Их больше нет.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но я не даю.

— Чемодан оставляю в прихожей. Если сейчас нести его не в состоянии, заберёшь, когда сможешь. Или пришлёшь за ним Марину. Мне всё равно.

Я выхожу из спальни. Не могу дышать одним воздухом с ними. Видеть их, слышать. Противно до тошноты. Прохожу мимо него. Мимо Марины, застывшей в коридоре с растерянным лицом. Закрываю кабинет на ключ, цежу сквозь зубы:

— Если попытаетесь попасть в мой кабинет, и замечу, что пропала хотя бы одна бумажка, вызову полицию и обвиню в краже со взломом!

Иду к входной двери, накидываю плащ, хватаю сумку с дипломом внутри и выхожу в подъезд.

Дверь захлопывается за моей спиной, отсекая прошлое. Я стою в лифте, глядя на своё отражение в зеркальной стене, и не узнаю себя. Женщина в зеркале выглядит уставшей, но в её глазах горит огонь.

Выхожу из подъезда, и холодный утренний воздух Питера бьёт в лицо. Город просыпается, спешит по делам, живёт своей жизнью. А я стою на ступеньках собственного дома и впервые за двадцать лет не знаю, куда идти. Но знаю одно: обратной дороги нет.

Глава 3

Три дня. Или четыре? Я потеряла счёт времени. В моей квартире на Крестовском теперь живёт тишина. Она огромная, заполняет собой всё пространство, забивается в углы, лежит на подоконниках тяжёлым грузом. Я просыпаюсь и первое мгновение не понимаю, почему в груди так пусто. А потом вспоминаю. И пустота становится ещё больше.

Я не выхожу из дома. Телефон разрывается от звонков — бюро, заказчики, подруги, которые уже что-то пронюхали. Я сбрасываю вызовы. Не могу говорить. Не могу делать вид, что всё нормально. Потому что ничего нормального больше нет.

Рингтон установленный на дочь настойчиво пробивается сквозь тишину.Алёна. Дочь. Она учится в Москве, на последнем курсе истории искусств. У неё там своя жизнь, свои друзья, свои проблемы. Я всегда гордилась, что мы растим её самостоятельной. А теперь кусаю локти: она далеко, а мне так нужно, чтобы кто-то просто посидел рядом. Решаю ответить:

— Мам, ты чего не отвечаешь? — голос в динамике встревоженный, быстрый. — Я звонила уже три раза.

— Алён, всё хорошо, — бодрюсь, но голос звучит как скрип несмазанной двери. — Просто замоталась, проект сдаём.

— Мам… — она тянет паузу. — Ты врёшь. Я же слышу. Что случилось?

И я ломаюсь. Рассказываю. Коротко, сухо, без подробностей. Про Марину, про его кресло, про её улыбку. Про чемодан.

Алёна молчит несколько секунд. Потом выдаёт:

— Я прилечу.

В груди возникает холод. Развесила сопли, словно семья состоит из меня и Миши.

— Нет! — почти кричу в микрофон. — Не смей бросать учёбу из-за меня. У тебя диплом на носу.

— Мам, какой диплом, когда ты там одна с ума сходишь?

— Я не схожу с ума, — вру в надежде, что убедительно. — Я просто… привыкаю. Мне сейчас лучше побыть одной, переварить случившееся. Решить куда двигаться дальше. Так надо. Всё будет хорошо.

— Ты всегда так говоришь, — вздыхает она. — Ладно. Но я буду звонить каждый день. И если ты не ответишь, я прыгаю в самолёт. Договорились?

— Договорились.

Сбрасываю вызов и снова проваливаюсь в тишину.

Сегодня четвёртый день. Я стою посреди гостиной и смотрю на его кресло. То самое, что, у стола из красного дерева. Я не заходила сюда три дня, обходила эту комнату стороной. А сегодня зачем-то пришла. Стою и смотрю. В голове картинка: они там, на этом кресле, она на нём верхом, его лицо, запрокинутое в блаженстве. Зажмуриваюсь, тру виски, но картинка не уходит. Она въелась в подкорку.

Подхожу к креслу. Долго смотрю на него. Потом хватаю за подлокотники и пытаюсь сдвинуть с места. Оно тяжёлое, дубовое, я еле волоку его к двери. По пути цепляю угол стола, слетает стопка бумаг, падает настольная лампа, но мне плевать. Я тащу это проклятое кресло через всю квартиру к лифту, выволакиваю на лестничную площадку и оставляю там. Пусть стоит. Пусть кто-нибудь заберёт. Или выбросят. Мне всё равно. Лишь бы его не видеть!

Вернувшись в квартиру, я понимаю: легче не стало. Кресла нет, но пустота осталась. Она никуда не делась.

Иду в свой кабинет. Здесь всё по-прежнему: кульман, стопки ватмана, карандаши, линейки. Моё королевство, моя крепость. Сажусь на табурет, беру карандаш, прикладываю его

к листу. И замираю. Рука не двигается. Я пытаюсь провести линию, самую простую, прямую, но пальцы дрожат, и линия уползает куда-то в сторону, кривая, уродливая, чужая.

— Да что ж такое!.. — с раздражением шепчу вслух.

В моём кабинете я начинаю разговаривать сама с собой. Раньше не замечала такого. А теперь говорю постоянно. Спрашиваю, отвечаю, спорю. Старею? Тупею? Наверное, это первый признак безумия.

— Линия должна быть прямой, — напоминаю себе. — Ты архитектор, чёрт возьми! Ты умеешь рисовать.

Пробую снова. Опять криво. Швыряю карандаш в угол. Сижу, смотрю на руки, и они кажутся мне чужими. Двадцать лет я без проблем рисовала ими. Сотни проектов, десятки реализованных зданий, премии, награды, признание. А сейчас не могу провести элементарную линию. Потому что внутри меня всё дрожит. Потому что та Варя, умеющая рисовать, умерла в той гостиной вместе с моим браком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.